

Славянские глаголы *chytati* : *chvatati* : *chytěti* : *chytiti* свидетельствуют о соотносимости значений 'бежать' и 'брать, хватать'. Соотносимость этих значений подтверждает и словен. *lotiti se* 'приниматься, братья (за работу)', являющееся апофоническим вариантом праслав. *letěti* 'лететь, бежать'. Ср. также синонимичность словацких синтагм *dobehol ho = chytit ho*.

Соотносимость значений 'бежать, брать' и 'купить, покупать' ведет к генетическому отождествлению праслав. *kupiti*, *kupovati* с глаголами *kvariti*, *kvarati*, *kapati*, *kupěti*. Кроме первой формы с Schwebeablaut'ом *kup-* < *koupr-*, существует вторая форма с Schwebeablaut'ом *kvōr-* > *kvār-*, resp. после делабиализации *kar-*. Глагол *kupěti* представляет нулевую ступень продления *kūr-* при полных ступенях Schwebeablaut'a *koupr-* : *kvōr-*.

Во второй форме с Schwebeablaut'ом без удлинения *kuor-* начальный веларный *k-* перешел в спирант *ch-*, и форма *chkuor-* после делабиализации дала *chop-*. Это славянский глагол *chopiti*, который царяду с общеславянским значением 'брать' сохранил и реликтовое старое значение движения: в польском *po-chopny* 'pośpieszny', синонимичное ст.-польск. *kwarpy* 1. 'pochorny, pośpieszny', 2. 'fermentujący, kipiący' (Sławski III, 460). Фонетическое отношение между *kupiti* < *koupr-* 'бежать' → 'брать' и *kuopiti* > *chwopiti* > *chopiti* 'брать' тождественно отношению между праслав. *kustь* 'Büschel, Schwanz' и праслав. *chvostь*, *chostrь* в том же значении. Ср. фонетическое соотношение между праслав. *churavь* и *chvorь*, *chorь* 'больной'; так же *kura* и *kuora* > *kora*, *корьсь* с вариантом *chorьсь*, *chorькь*, о чем свидетельствует словц. *chorac*, *chorok* (гора в Низких Татрах называется Chorok).

Б. III. Праслав. *сѣна* уже давно удачно проэтимологизировано в связи с другими индоевропейскими фактами (лит. *kaina*, лат. *roena* и т. д.). Следует, однако, указать на внутриславянское соответствие *ѣнѣ* в значении 'достоинство, ранг'. О соотносимости значений 'цена' : 'достоинство' свидетельствуют словц. и чеш. *hodnota* 'цена' и *hodnost* 'ранг'.

Б. IV. Праславяне мотивировали значение 'иметь цену' так же, как и древние римляне. Слав. *stati*, *stojati* имеет не только значение 'стоять', но и 'стоять'. Аналогичным образом и в латинском от глагола *stāre* 'стоять' было произведено *cōn-stāre*, заимствованное в немецкий: нем. *kosten* 'стоять' восходит к лат. *cōn-stāre*. Это естественно, так как при безденежной меновой торговле объект купли-продажи становился на место объекта купли-продажи А.

Б. V. В сербских говорах слово *vag* означает жердь, рычаг. Аналогично и рус. диал. *vag(a)* означает жердь, рычаг (для поднятия повозки). Это значение сохраняется и в чешских говорах.

Праслав. *vaga* исконно обозначало жердь, рычаг. У западных славян, а отчасти и у восточных слово *vaga* специализировалось для обозначения жерди, рычага, на оба конца которого вешали предметы, чтобы установить их вес. Эти предметы клали в деревянную

миску *vag-an-ъ*. Праслав. *vag a*, -ъ 1. 'жердь, рычаг' → 2. 'жердь, рычаг для взвешивания; вес' и праслав. *vaganъ* 'деревянная миска' образованы от индоевропейского глагола *wag-* 'сечь, колоть, ломать', ср. греч. ἄγρωμι, ἄγη, ἄγρος и тох. *wāk-*. От индоевропейской основы *wag-* 'сечь, колоть, ломать' образовано и лат. *vāgīna* с психодной мотивацией 'рассеченная, расколота'. Отношение между праслав. *vag-a*, -ъ и лат. *vāgīna* аналогично отношению между праслав. *paka* < *puōk-* 'жердь, рычаг' и праслав. *puča* < *pūk-iā* 'vāgīna'. Ср. также генетическую связь между нем. *Scheit* и *Scheide*.

Итак, основные термины праславянского лексического поля торговли *trg*, *kupiti*, *сѣна*, *stati*, *stojati*, *vaga* — исконного индоевропейского и праславянского происхождения. Немецкие же лексемы *Markt*, *Preis*, *Kosten*, напротив, латинского происхождения. Генетическая связь между праслав. *kupiti* и нем. *kaufen*, между праслав. *vaga* и нем. *Waage* мы рассмотрим в отдельной работе. Соотносимость значений 'бежать' : 'брать' : 'покупать', которая отмечалась в пункте Б. II, объясняет происхождение гот. *bug-jan*, *bauhta* и англ. *buy*, *bought* 'купить, купленный'. Здесь мы имеем дело с континуантом индоевропейской глагольной основы *bheug-*, *bhug-* 'бежать' (греч. φεύγω, лат. *jugiō*). У германцев и.-е. *bheug-*, *bhug-* 'бежать' семантически трансформировалось в 'брать, покупать'. Нем. *kaufen*, несомненно, является заимствованным. О том, откуда именно — из лат. *саурōна*, *саурō* 'трактир, трактирщик' или же из праслав. *kupiti* < *koupr-*, более подробно будет говорить в особой работе. Особо также будет рассмотрена исходная семантическая мотивация праслав. *krъnъti* 'купить, покупать'.

Примечания

- 1 Ondruš S. Sémantická motivácia základných právnych pojmov u starých Slovanov a Slovákov. — Studia Academica Slovaca. Bratislava, 1981, 10, 329—346.
- 2 A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő Benkő L., szerkesztők Kiss L., Papp L. Bp., 1967—1976, I—III.
- 3 Мельничук А. С. О генезисе индоевропейского вокализма. — ВЯ 1979, № 5, 6.

Перевела со словацкого М. А. Осипова

В. Э. Орел

ЛЕКСИКА НЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ БАЛКАН КАК ИСТОЧНИК ПРАСЛАВЯНСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ. СЛАВЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АЛБАНСКИЙ И ВОСТОЧНОРОМАНСКИЙ

Языковые контакты южных славян с неславянскими народами карпато-балканского ареала, как известно, привели к проникновению множества славянских заимствований в албанский, восточнороманский и греческий. В балканских языках сохраняются славянские элементы, относящиеся к разным хронологическим слоям,

в том числе и к позднеславянскому. Изучение этих элементов во многих отношениях ценно для славистики: наряду с исследованием лексической семантики заимствований и наблюдениями в духе «Wörter und Sachen» здесь возможны, к примеру, и попытки историко-фонетического анализа (так, греческая топонимика славянского происхождения предоставляет возможность для реконструкции южнославянской акцентной системы, зафиксированной ранее, чем древнейшие из южнославянских акцентированных памятников; см. об этом особо в другом месте). В балканских языках сохраняются иногда и такие лексемы славянского происхождения, следов которых не осталось ни в известных науке южнославянских памятниках, ни в словарях, ни в диалектных материалах. В других случаях славянские заимствования в балканских языках консервируют ранние стадии в эволюции значений, не зафиксированные собственно южнославянским материалом. Таким образом, некоторые славянские элементы этого рода дополняют сложившиеся к настоящему времени представления о лексическом составе южнославянских языков (или об этимологии тех или иных слов), а следовательно и сведения о характере ряда изоглос в праславянском. В предшествующих работах, посвященных этой теме¹, мы реконструировали южнославянские континуанты для следующих праславянских лексем, которые, как считалось прежде, ограничены лишь восточно- и/или западнославянским ареалами: **bogatyje*, **čelikъ*, **čevje*, **čara* 'трещина, щель', **dobiti*, **dyra*, **goralъ(сь)*, **gōdakъ*, **zabyje*, **kočetъ*, **kočubъ* / **kočuba*, **kuteъ*, **kъlbъ* / **kъlba*, **plaza* / **plaxъ*, **pyrъ*, **stъpъ*. Детали реконструкции (в том числе, семантической) уточнены в словах: **bēlanъ*, **bēlašъ*, **belička*, **bēlikъ*, **bēlošъ*, **bēluša*, **bolna*, **čara* 'колдовство', **dobъ*, **gliza*, **globa*, **goračъkъ*, **gorica*, **goričъka*, **gorišče*, **gorъnъ*, **grozati*, **grozotati*, **zabiti*. Особо подчеркнем, что южнославянские соответствия обнаружались не только у слов, имевших достаточно широкое распространение в праславянском, но и у таких признанных локализмов, как, например, **stъpъ*. Другое существенное для праславянской диалектологии обстоятельство заключается в том, что целый ряд реконструированных таким образом южнославянских континуантов обнаруживает специфические связи формального и семантического плана со словенским или со словенским и его западнославянскими соседями (ср. **grozati*, **grozotati*, **čara*); это, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о древних контактах праславянских диалектов, легших в основу словенского, в связи с чем полезно указать наряду со славянскими заимствованиями в албанский, имеющими выразительные словенские параллели, также и наличие любопытных албано-словенских фонетических изоглос (прекмурское *d* < **j*, ср. *d'ama* < **jama*, при регулярном **j* > *gj*, т. е. [g'] или [d'] в албанском), не говоря уже о некоторых вероятных заимствованиях из албанского, к которым мы относим, в частности, словен. *dvōrek*, *dvōrec* 'рукоятка сверлильного устройства' (Pleteršnik I, 190). Вопреки Ф. Безлау, видящему в этом слове кельтизм (при том, что валл. *durn* означает все-таки 'кулак', а не 'рука') в словенском (Bezlaž I, 124), мы предполагаем как более правдоподоб-

ный источник алб. *dorë*, мн. *dutar*, ст.-алб. мн. *duor* 'рука; ручка, рукоятка' (Kristoforidhi 184—185), из и.-е. **g̃hēr-* < **g̃hesr-*. Со словен. *dvōrek* Л. В. Куркина связывает словац. *dōren* 'устройство для растягивания обода'².

Определенный интерес для изучения представляет характерная для северо-гергских говоров албанская лексема *okitë*³, которую Л. В. Десницкая связала с с.-хорв. *okumiti* 'украстить'. Следует заметить, что значение алб. *okitë* 'ищей (на ветвях деревьев)' как будто препятствует такому сближению, во всяком случае допуская попытки иных толкований. На наш взгляд, более убедительно сопоставление алб. *okitë* с такими славянскими лексемами, как чеш. диал. *okyd'*, *okyt'* 'мокрый снег, в большом количестве покрывший деревья' (PSJČ IV, 1, 724), ср. в бесприставочной форме рус. диал. *кидь* 'уброд; мягкий, рыхлый снег, выпавший в тихую и тенную погоду' (Даль² II, 107). Речь, таким образом, идет о слав. **obkydъ*, слове, которое, насколько нам известно, не встречается в южнославянских языках. Тем не менее, оно сохранено в алб. *okitë*, причем глухой исход албанского слова заставляет с некоторым скепсисом отнестись к суждению Махека касательно «опибочности» фиксации чеш. *okyt'* (Machek² 313). Одновременное свидетельство одного из чешских и албанского (*resp.* южнославянского) рефлексов слав. **obkydъ* наводит на мысль о возможности пересмысления этого слова на определенном этапе и переоформлении его как **obkytъ*.

Для южнославянских языков характерно (если не считать нескольких, весьма немногочисленных и к тому же, в общем, этимологически темных производных типа болг. диал. *kamam* 'ходить (по делам), хозяйничать') полное отсутствие рефлексов слав. **kotiti* 'катить'. Принятие этимологии В. Н. Топорова, связывающего **kotiti* 'катить' и **kotiti (se)* 'рожать (о животных)'⁴, только подчеркнет противопоставление южнославянского другим славянским ареалам, поскольку **kotiti (se)*, болг. *котя се*, с.-хорв. *kōtumi*, словен. *koliti* означает исключительно 'рожать (о животных)'. С тем же положением мы столкнемся, обратившись к слав. **kaliti*, толкуемому как вторичная контаминация **kotiti* и **katjati* (ЭССЯ 9, 163). Реконструкция **kaliti* может, по-видимому, основываться лишь на чешских (диалектных) и русских фактах, поскольку приводимое макед. *kami* 'лущить кукурузу' (Там же), по всей вероятности, сюда не относится — ср. глагольные производные от болг. *кат* 'этаж, слой, пласт' с близкой семантикой (БЕР II, 265). Между тем, свидетельством того, что рассматриваемая здесь глагольная основа была все же известна южнославянскому в качестве *verbum movendi*, является алб. *katit* 'опускать, толкать вниз'⁵, на основе которого можно предполагать передачу безударного слав. **o* с помощью алб. *a* может рассматриваться как свидетельство относительной древности заимствования, ср. сходным образом алб. *matukë* 'кирка, мотыга' < слав. *motyka* и под.). Особого внимания при этом заслуживает семантика алб. *katit*, выражающего движение, направленное вниз. Сходные значения довольно ясно выражены также в чешском, ср. ст.-чеш. *kol* 'падение',

чеш. *kátili* 'валить' и под.: на этом строится известное сопоставление **kotiti* с хетт. *katta-* 'вниз, внизу', греч. *κατά* 'вниз' ⁶. Эта этимология получает дополнительное подтверждение в реконструируемом нами южнославянском глаголе, сохранившем архаичное значение, некогда присущее слав. **kotiti*.

Существенные семантические уточнения могут быть внесены в реконструкцию (южно)слав. **klepadlo*. В южнославянских языках это слово обиходно имеет значение 'было' или близкие к нему (болг. *кленало*, макед. *кленало*, с.-хорв. *кленало*, словен. *klepálo*). Лишь отдельным македонским диалектам лексема *кленала* известна в значении 'веки' ⁷. Между тем в албанском это слово, заимствованное в форме *qepallë*, имеет только это значение (Kristoforidhi 290). Сам по себе этот факт мог бы объясняться поздним вторичным развитием семантики в македонских говорах, откуда **klepadlo* было заимствовано албанским, однако значение 'веко' хорошо сохранилось у этого слова и в румынском, где имеем его, правда, только в идиомах типа *într-o clipeală de ochi* 'в мгновение ока', *în toată clipeala* 'в любое время' и в качестве синонима рум. *clipire* 'мигание, моргание' и под. Таким образом, значение 'веко' было присуще лексема **klepadlo* в более обширном ареале, чем оно сохранилось в собственно южнославянских данных. Сказанное позволяет, быть может, более внимательно отнестись к перспективе реконструкции у глагола **klepati* особого значения 'мигать, моргать', объединяющего южнославянские языки (где оно восстаивается на основе **klepadlo* 'веко') и украинский (ср. *клинати* 'мигать, моргать').

Интересно с семантической точки зрения и рум. *cobe*, продолжающее слав. **koby* (DLR I, 2, 612). Наряду со значениями типа 'дурное предзнаменование', которые неплохо сохранились в современных славянских языках (в том числе, в южнославянских, ср. с.-хорв. *kôb* 'предзнаменование, встреча'), рум. *cobe* имеет и значение 'зловещая птица' (преимущественно в фольклорных текстах), непосредственно связанное с такими славянскими фактами, как ст.-слав. *коба* *о́воуожо́па*, *augurium*, чеш. *kob* 'гадание по полету птиц' и т. п. Однако в особой мере заслуживает внимания то, что *cobe* может означать и 'птичий клюв', последнее же значение находится, по-видимому, в непосредственном отношении мотивации с незасвидетельствованным **kobiti* / **kobëti* 'цеплять, вешать'. Следовательно, это значение допустимо рассматривать как архаическую стадию семантической эволюции, весьма слабо отраженную в собственно (южно)славянском материале ⁸. Что это действительно так, следует из анализа производного от *cobe* — *cobealã* 'предвестие несчастья, беды' (Там же). Рум. *cobealã* предлагает восстановление незасвидетельствованного южнослав. **kobëla*. Такое слово, действительно, известно другим славянским языкам, хотя и в совершенно иных значениях, ср. польск. *kobiatka* 'корзина с крышкой; сума' и под., объединенные О. Н. Трубаевым под знаком вопроса (ЭССЯ 10, 87). Сказанное выше о рум. *cobe* позволяет, как нам кажется, объединить реконструируемое южнослав. **kobëla* с формами, группируемыми вокруг **kobëla* в значении 'корзина', полагая, что южнослав. **kobëla* 'предвестие

беды' и слав. **kobëla* 'корзина' являются конечными точками двух направлений семантического развития, опорой которого был названный выше исходный глагол со значением 'цеплять, вешать'.

В румынском известно наречие места и времени *colea* 'сюда, здесь, там; тогда' (DLR I, 2, 657), связь которого со слав. **kolo*, в целом, кажется достаточно надежной. Пытаясь более точно установить источник рум. *colea*, мы приходим к реконструкции особого южнослав. **kolë*, реально в южнославянских языках не засвидетельствованного. Между тем, **kolë* — отнюдь не фикция для других славянских ареалов, прежде всего для западнославянского, где мы находим чеш. диал. *kole*, польск. *kole*, *kôle*, *kiele*, кашуб. *kole* — все в значении 'около, у, при'; сюда же примыкает ст.-блр. *каль* (ESSJ I, 89). Независимо от того, считать ли слав. **kolë* формой местного падежа или результатом особой модификации, характерной для наречий этого типа, следует, вероятно, отказаться от идеи о самостоятельном развитии в каждом из названных языков; в этом плане достаточно весомым представляется нам свидетельство рум. *colea*, которое дополняет список рефлексов слав. **kolë* южнославянской параллелию.

Примеры, рассмотренные нами выше, естественно, представляют собой раритеты, которым противопоставлено подавляющее большинство южнославянских заимствований в балканские языки, содержащих значительно меньше (или вообще не содержащих) существенной для этимолога-слависта информации. Тем не менее, обсуждаемая здесь тема пока что далеко не исчерпана. Так, сходные с методической точки зрения случаи обнаруживаются в славянской топонимике Греции (чему мы надеемся посвятить особую работу). Если же не ограничиваться рамками карпато-балканского ареала, следует обратить внимание на такую богатую аналогичным материалом зону, как обширная область, в которой осуществлялись славяно-германские контакты. Чтобы не быть голословным, укажу здесь несколько примеров: нем. МН *Rene*, *Reniz* (XIII в.) < слав. **rënb*, **rënica*, ср. др.-рус. *рѣнь* 'мель, отмель'; нем. МН *Clontzen* (XV в.) < слав. **kolnъsъ*, ср. с.-хорв. *кълнау* 'ущелье'; нем. МН *Dargoslaw*, *Dargoslaus* (XIII в.) < слав. **dorgoslavъ*, ср. с.-хорв. *Дрѣгослав*. В некоторых случаях, когда, как и в вышеприведенных, собственно западнославянский материал незасвидетельствован или засвидетельствован скудно, данные славянских заимствований могут сыграть решающую роль в выборе этимологической версии. Например, аргументируя генетическую связь **xalupa* и **kolyba*, О. Н. Трубаев, возводящий оба этих слова, в конечном счете, к балк.-и.-е. **kalübã*, специально подчеркивает то обстоятельство, что ареалы **xalupa* и **kolyba* практически не пересекаются (ЭССЯ 10, 163—164, с картой), причем западнославянские рефлексы **kolyba* (или, что равновозможно, **koliba*) исключаются из рассмотрения как результаты вторичной экспансии **kolyba*. Однако наличие в кашубском, т. е. крайне северном, ареале МН *Kolibki*, *Kolibka*, фиксируемого в немецких источниках с XII в. (*Colibick*, *Colebike*) и как раз совпадающего по области распространения с континуантами слав. **xalupa*, заставляет несколько критически отнестись к идентификации **xalupa* — **kolyba* ⁹.

- ¹ Орел В. Э. Балканские этимологии. 14—28. — В кн.: Этимология 1983. М., 1985; *Он же*. Балканские этимологии 32—39. — *Zeitschrift für Slawistik*, В. 30, N 6, 1985, 911—916.
- ² Куркина Л. В. Словенско-западнотславянские лексические связи. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980, 333.
- ³ См.: *Vuchholz O. et al.* Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977, 370; *Десницкая А. В.* Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международная конференция славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, 133.
- ⁴ См.: *Топоров В. Н.* О праславянском **kat-*. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1962, 6, 172—176.
- ⁵ См.: *Десницкая А. В.* Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963, 46.
- ⁶ См.: *Топоров В. Н.* Указ. соч.; *Он же*. К семье азиатских *kat(a)*, др.-греч. *κατά*. — В кн.: Этимология 1974. М., 1973, 286—297.
- ⁷ См.: *Петрушевски М.* Неколку црти на говорот од Жировница. — *МЖ* 11, 3—4, 1951, 65.
- ⁸ См.: *Трубачев Л. Н.* Следы язычества в славянской лексике. — *Slavistična revija*, XI, 1958, 228—230.
- ⁹ Приведенный выше ономастический материал почерпнут нами из исследования Р. Траутмана: *Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Berlin, 1948—1949, I—II.

Е. С. Отин

РАЗВИТИЕ КОННОТОНИМИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ КОННОТОНИМОВ

Процуральные единицы языка и речи могут иметь устойчивые общеизвестные семантические значения. В конкретных употреблениях их смысловая доминанта определяется связью не с денотатом, а с развившимся позднее понятием. Такие собственные имена (СИ) предлагается именовать коннотативными онимами или коннотонимами. Коннотоним — это всегда собственное имя (антропоним, топоним, реке — эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями. В сфере речевого общения эти дополнительные понятийные оттенки нередко бывают представлены в необычном для «чистого» СИ эмоционально-экспрессивном ореоле. Утрата СИ денотативности (вызванная забвением денотата) приводит к появлению на их основе отонимных коннотативных апеллятивов или же к полному выпадению их из словаря.

Каждый национальный язык имеет свой весьма трудно поддающийся численному набор такого рода слов — коннотонимию, в состав которой входят не только коннотонимы, сложившиеся внутри данного языка, но и те из них, которые принадлежат международному фонду коннотативных СИ. Ср. в современном русском языке: *Ходынка, Камчатка, Соловки, Черемушки, Митрофан, Фекла; Голгофа, Вавилон, Мекка, Клондайк, Бродвей, Панама, Уотергейт, Армагеддон* и др. При этом в художественной речи, в бесчисленных

речевых контекстах постоянно возникает множество индивидуально-авторских употреблений СИ, коннотативное содержание и окрашенность которых окказиональны. Это один из резервов пополнения узуальной коннотонимии любого языка. Например, *Полинезия* — 'удаленное от центров культурной жизни место' в «Марии» И. Бабеля, *Шираз* — 'поэтическое состояние' в «Крысолове» М. Цветаевой, *Андрей Белый* — 'смелый новатор' у А. Вознесенского («О») и т. д.

Одной из нерешенных задач русской ономастической лексикографии является создание коннотационного словаря собственных имен (далее — КССИ), содержащего прежде всего узуальную коннотонимию, зафиксированную в различных источниках. Окказиональные (речевые) коннотонимы целесообразнее включать в коннотационные словари ономастических лексем языка писателя (например, коннотационные словари СИ в произведениях Достоевского, Маяковского, А. Грина и т. д.) или же в словари коннотонимов в языке писателей, связанных общностью идейно-эстетических позиций и художественных исканий.

Одно и то же СИ в разные периоды своего бытования в речи в различных сферах использования может развить целый пучок значений. Но при этом семантические коннотемы не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом, они часто выступают как разновременные элементы его смысловой структуры. Коннотационное содержание таких СИ обуславливается также их связью с определенным социумом или локальными особенностями именика. Так, библейское имя «первого человека» — *Адам* в народной речи прошлого века было зафиксировано с коннотацией 'человек огромного роста' (Филин 1, 205). В наше время референтная подоснова СИ *Адам* предопределила появление в нем новой коннотации — 'первопоселенец'¹. В течение столетий происходило развитие коннотационной структуры СИ *Вавилон*, в которой объединились комплексы значений библейских СИ — топонима *Вавилон* и особенно хрононима *Вавилонское столпотворение*. На разных хронологических срезах находятся связанные с ним коннотемы: 'обиталище грешников; нравственные пороки; скопление разноязычного люда; большое сооружение' и др. В грамоте Ивана IV королю Сигизмунду Августу (1569 г.) *Вавилон* выступает как коннотоним, противостоящий мелиоративному имени *Сион*: Изборескъ якоже плѣнь Сиона отъ Вавилона возврати намъ. . . (Сб. РИО 71, 580). *Вавилон* — и его синоним *Персида* — в азбучовниках XVI в. толкуются как *размѣшение, смѣтение, размѣсь*². В автографе «Жития» Аввакума из Пустозерского сборника В. Г. Дружинина имеет место «обыгрывание» этих коннотонимов, но только с другим значением — 'место мучения': не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилонъ (РИБ 39, 65). Коннотация *Персиды* и *Вавилона* лексически раскрыта в другом автографе «Жития» — из Пустозерского сборника И. Н. Заволого: не по што ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилон нажили³. В староукраинском памятнике (1616 г.) «Отпись на листъ униговъ Виленскихъ» *Вавилон* толкуется как «затворжено розуму от злости и страсти» и как «конфузя» («Вавилонъ, албо конфузя»), т. е. 'смятение'⁴. Коннотоним